Научная статья
УДК 81:39
ББК 81.006.35
С 19

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-59-66

Ментальность как базовый компонент языкового сознания

(Рецензирована)

Саида Казбековна Сапиева
Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,
atika16@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3757-3673

Аннотация:
В статье исследуется понятие «ментальности» как основополагающего компонента языкового сознания. Проводится анализ дефиниций ментальность / менталитет, языковая ментальность / речевая ментальность, общими свойствами которых является ментальная организация предметов, явлений, образов, всего человеческого опыта в понятия и их овнешвнение посредством языковых знаков. Эти оязыковленные знания, формируемые человеком в процессе восприятия объектов реального мира в виде первичных и вторичных образов, организуют языковое сознание. Также анализируется понятие «ментальная репрезентация», основными средствами выражения которой являются концепты, стереотипы, национально-маркированные лексемы, прецедентные феномены и др.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, языковое сознание, национальный язык, ментефакты, языковая ментальность, речевая ментальность, ментальные репрезентации

Original Research Paper

Mentality as a basic component of language consciousness

Saida K. Sapieva
Adyghe State University, Maykop, Russia,
atika16@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3757-3673

Abstract.
The work explores the concept of «mentality» as a fundamental component of linguistic consciousness. The analysis is made of the definitions of mentality / mental structure, language mentality / speech mentality, the common properties of which are the mental organization of objects, phenomena, images, all human experience into concepts and their interpretation by means of language signs. This linguistic knowledge, formed by a person in the process of per-ceiving objects of the real world in the form of primary and secondary images, organize lin-guistic consciousness. The concept of «mental representation» is also analyzed, the main means of expression of which are concepts, stereotypes, nationally labeled lexemes, precedent phe-nomena, etc.

Keywords: Mentality, mental structure, language consciousness, national language, mentfacts, lan-guage mentality, speech mentality, mental representations

Введение.

Век информационных технологий и процесс интеграции сфер человеческой деятельности позволяет говорить не только о трансформации социального сознания, но и о характере влияния этих процессов на семантику и прагматику широкого пласта лексики, используемой в разных типах дискурса. Человек и его образ мыслей в стремительно меняющемся мире также не остаются неизменными, что находит отражение в языке как наиболее информативном источнике мироощущения и мироосмысления как отдельной личности, так и целой нации.

В сложившейся ситуации важно определить роль языка по отношению к ментальности, поскольку именно в вербальной среде возможно исследовать процессы и закономерности, определяющие неповторимость индивидуального или коллективного сознания в условиях исторической эпохи. Таким образом, целью статьи является анализ понятия ментальность и обоснование ментальности как базового компонента языкового сознания.

Зародившись в языке средневековой схоластики в XIV веке и окончательно реализовав себя в начале XX века, термин «ментальность» был представлен во французской историографической школе «Анналов» как коллективное мировидение, выразитель внеиндивидуальной стороны личности, которое усваивается человеком посредством языка, воспитания, общения, в процессе жизненного опыта [1:8]. Стоит отметить, что значение понятия ментальность с начала своего возникновения и по настоящее время претерпело значительные трансформации. Первоначально определение ментальности включало в свое содержание элемент ущербности, характеризуя сознание неразвитой личности. И лишь к концу XX века данное понятие окончательно утратило эту оценочность, получив такие ключевые компоненты в своем определении, как «коллективное сознание», «мировидение», «состояние духа» и т.п.

На сегодняшний день теория ментальности включает в себя множество точек зрения и неоднозначность определений, что говорит о сложности данного понятия и многоаспектности его исследования. Как показывает аналитический материал, термин «ментальность» является термином-полисемантом – феноменом, содержание которого трудно поддается определению. В связи с этим известный французский историк-медиевист Ле Гофф призывал «смириться с расплывчатостью термина ментальность для того, чтобы не потерять богатство, связанное с его многозначностью» [2:44].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили словарные дефиниции, а также теоретические работы по проблеме изучения ментальности и языкового сознания, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Исследование выполнено в рамках когнитивного подхода на основе описательного, аналитического и интроспективного методов, позволяющих не только раскрыть сущность исследуемых понятий, но и выявить роль языковых и когнитивных средств в процессе репрезентации ментальности языковой личности (или языкового коллектива) в этноязыковом сознании.

Обсуждение.

Круг вопросов, связанных с понятием ментальности на сегодняшний день включает большое количество работ из разных областей наук: истории, философии, психологии, социологии, культурологии, истории, этнологии, когнитивистики, лингвистки и т.д.

Тем не менее, несмотря на двухвековую историю изучения ментальности в разных научных сферах, исследование данного феномена в рамках лингвистической науки появилось сравнительно недавно – в конце XX века, чему свидетельствует отсутствие лексемы *ментальность* в лексикографических источниках вплоть до 1998 года. Анализ работ, посвященных проблеме ментальности с точки зрения лингвистики, демонстрирует исследование данного понятия, прежде всего, с позиции изучения языка определенного этноса, отраженного в лексике, грамматике, фольклоре, паремиях, идеоматике, концептах и т.д.

Большинство отечественных исследователей, считая *ментальность* руссифицированной формой немецкого слова *mentalität*, долгое время не разводило данные термины. На сегодняшний день лексикографические источники не всегда отождествляют данные понятия и предлагают следующие определения: МЕНТАЛИТЕТ (от лат. mens «образ мысли») – склад ума, способ мировосприятия. МЕНТАЛЬНОСТЬ (от дат. Mentalis «умственный») – интеллектуальный мир человека (Словарь иностранных слов 2001). МЕНТАЛЬНОСТЬ, -и; *ж*. Совокупность общественных навыков и культурных особенностей народа, социальной группы или отдельного человека, проявляющихся в поведении, мировосприятии, умонастроении. *Культурная м. Азиатская м.* МЕНТАЛИТЕТ, -а; м. [нем. Mentalität - склад ума]. Особое сочетание психических свойств и качеств, определяющее характерные черты умонастроения и мировосприятия человека, социальной группы или отдельного народа. *Русский, немецкий, английский м. Армейский м. М. правительства* (Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, 1998).

Интересную интерпретацию дефиниции *менталитет / ментальность* предлагает лингвокультуролог А.Т. Хроленко. Так, по мнению автора, «словом *менталитет* является то, что не «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы». Им объясняют то, что в культуре и истории других народов считают странным и непонятным. Ментальность глубже мышления, норм поведения, сферы чувств...Ментальность воспринимают как «самопонимание группы», как совокупность образов и представлений, которыми руководствуются. Это ставшие неосознанными ориентации и основания для чувствования, мышления и поведения» [2: 45].

Рассуждения о различиях в содержании терминов «ментальность» и «менталитет» делает В.В. Колесов в своей книге «Языковые особенности русской ментальности». Сопоставляя европейское и русское понимание менталитета, исследователь говорит о тесной взаимосвязи европейского менталитета с рассудком, логической стороной деятельности, в то время, как русское слово *ментальность* с абстрагирующим суффиксом *-ость* уводит в сторону более духовную, этическую, нежели логическую. Ментальность, в интерпретации исследователя, есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях. В то время как менталитет связан логическими операциями суждения на основе понятий, содержащихся в слове [3:11-13].

Иную точку зрения предлагает Л.Ю. Буянова, в исследованиях которой акцент делается не сколько на разности, сколько на общности данных понятий, рассматривая менталитет и ментальность в качестве «особых когнитивных классификаторов, представляющих собой ментальные знаки (сущности, образы, представления), порождаемые мышлением человека и классифицирующими его опыт в процессе

когниции». Исследователь считает, что когнитивно-ментальные маркеры, объективируясь в языковой семантике интегральными или дифференциальными семами, выполняют важную роль в организации семантического пространства языка и обнаруживаются при исследовании значения слова [4:15]. Исходя из этого, можно утверждать, что все предметы и явления, воспринимаемые человеком в окружающей действительности, попадая в мыслительное пространство человека, организуются в понятия и овнешвняются языковыми знаками таким образом, каким особенности культуры и языка накладывают свой отпечаток на мыслительные процессы носителей этих языков. Эти оязыковленные знания, формируемые человеком в процессе восприятия личностью объектов реального мира в виде первичных и вторичных образов, организуют языковое сознание.

Результаты.

Языковое сознание как категория когнитивного мышления представляет собой своего рода информационный тезаурус, базирующийся на константах культуры и отражающий ментальность языковой личности или языкового сообщества системой языковых единиц. Языковое сознание и ментальность – неразделимо взаимосвязанные категории, и чтобы изучить языковое сознание личности или нации в целом, необходимо проникнуть в глубины языковой ментальности и выявить там ключевые номинации, характеризующие особенности концептуализации реалий окружающего мира, хранящихся в его языковой памяти.

Исследование ментальных установок того или иного этноса дает возможность определить ценностно-смысловое содержание общественного сознания, особенности мировоззрения и миропонимания в определенный исторический период, вскрыть морально-этические и духовно-нравственные стереотипы, осознанные и неосознанные ценности, которые, несмотря на свою устойчивость, все же подвергаются трансформации в этом стремительно меняющемся мире.

Безусловно, все эти ментальные структуры имеют различные формы экспликации: поведение, оценка, манера мыслить или говорить, но именно язык, а точнее национальный язык, «выступает той «цементирующей» основой, которая веками сохраняет и предохраняет от повреждений, как национальный менталитет, так и родную культуру, образ мира, этническое мироустройство» [4:16].

Как справедливо отмечает М.П. Ахиджакова, этническая ментальность, формируясь у людей в процессе их коммуникации в течение многих веков, охватывает общепринятые модели реакции на окружающий мир, манеры поведения и методы взаимодействий, складывающиеся на основе исследованной системы ценностей [5:86]. Как система взаимосвязанных представлений, этническая ментальность достаточно устойчивое, но не статичное явление, и его формирование и возможные трансформации зависят от различных факторов: экономических, политических, социальных, природно-географических, религиозно-философских. Важно отметить, что, реагируя на внешние факторы, трансформации подвержен периферийный слой ментальной структуры, в то время как ценностно-смысловое ядро практически не меняется.

Лингвистическое изучение ментальности как базового компонента сознания в целом и языкового сознания в частности на сегодняшний день представляет особую актуальность, поскольку современные условия глобализации и социальные катаклизмы, ведущие к переоценке социокультурных ценностей и утрате этнической идентичности, ставят перед наукой XXI века приоритетную задачу постижения феномена человека через исследование

языка, поскольку язык, как «зеркало мира», по верному замечанию Е.С. Кубряковой, не просто фиксирует воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком [6: 5], помогает проникнуть в скрытую сферу ментальности.

Особую значимость в исследовании проблемы взаимодействия и взаимообусловленности сознания, языка, культуры, ментальности представляют работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Л.Ю. Буяновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.В. Колесова, О.А. Корнилова, В.А. Масловой, Е.И. Горошко, Л.Ю. Т.А.Фесенко, М.П. Ахиджаковой, А.Т. Хроленко и т.д. Фундаментальные мысли об этой связи отражены в работах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева и др., указывающими на аккумулирующее свойство языка и признающими его основным этническим маркером.

При исследовании ментальности с позиции лингвистической науки, прежде всего, делается акцент на передачу через язык знаний, системы ценностей и ориентиров, выработанных обществом в определенном пространственно-временном континууме. В этом плане О.Г. Почепцов выделяет понятия «языковая» и «речевая ментальность», соотнося языковую ментальность с социокультурными общностями, суть которых отражается в языковых единицах, используемых конкретной языковой личностью, а речевую – со способом индивидуального речевого восприятия образа мира [7:213-216]. Н.Ф. Алефиренко связывает языковое сознание с иерархией значений и операций в речемыслительной деятельности человека, а речевое – с механизмами построения и понимания высказываний [8:111].

Анализируя дихотомию языковая / речевая ментальность в когнитивно-семиотическом аспекте, Т.И. Кобякова отмечает, что главным отличием языковой ментальности от речевой является отражение степени осознания личности своей причастности к определенному лингвокультурному сообществу. «В языковом сознании личности языковую ментальность прежде всего формируют социокультурные константы (*ментефакты*), представляющие собой систему вербализованных культурных кодов в национальной лингвокогнитивной базе. Ментефакты определяют специфику национального дискурса и индивидуального мировосприятия, где в способах номинации языка раскрываются особенности членения, категоризации, концептуализации, структурирования и оценки образа мира и этносом, и конкретной языковой личностью» [9:214].

Ментефакты как ментальные репрезентации эксплицируют универсальные и национально-специфические знания, образы, представления, ассоциации, коннотации, являющиеся результатом рефлексии человека на окружающий его мир, интерпретацию этого мира, его аксиологизацию и дальнейшее вербальное воплощение.

Стоит отметить, что сам термин «ментальные репрезентации» был введен в когнитивную лингвистику в конце XX века, и его появление было вызвано, прежде всего, возросшим интересом когнитивистов различных областей науки к вопросу о природе знания как такового и к сущности разнообразных мыслительных процессов, относящихся к его возникновению и его использованию, а также к когнитивным способностям, участвующим в этих процессах.

Канадский психолог А. Пайвио, известный своими исследованиями в области вербальных и невербальных процессов, считал, что ментальные репрезентации (*логогены* и *образы* – прим. С.С.) находятся в состоянии покоя и активизируются в случае ответной реакции на вербальные и невербальные сигналы, когда человек распознает, манипулирует, просто думает о словах или вещах. Согласно его теории, активизация

может происходить на следующих уровнях обработки сигналов: сенсорном; репрезентационном (вербальные сигналы активизируют лингвистические структуры, невербальные – картины и образы), референциальном (вербальные сигналы активизируют невербальные, невербальные – вербальные) и ассоциативном (возникновение различных образов и ассоциаций на заданное слово) [10]. При этом исследователь подчеркивает, что вербальная система является необходимым игроком во всех «языковых играх», но она достаточна лишь в немногих случаях. В наиболее интересных и значимых из них вербальная система опирается на богатую базу знаний и на саму невербальную систему. И наоборот, невербальная система не может играть в языковые игры сама по себе, но она может разыгрывать сложный невербальный пасьянс [10]. Из этого следует, что вербальная и невербальная системы в большинстве случаев и ситуаций разнообразной человеческой деятельности представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие системы, образующие своего рода матрицу, в рамках которой любое состояние или предмет человеческого сознания не только в определенной степени вербально овнешняется, но и параллельно может сопровождаться невербальными средствами выражения.

Исследуя проблему ментальных репрезентаций канадский философ и когнитолог Пол Ричард Хоггарт подтверждает, что «большинство когнитологов соглашаются с тем, что знание в разуме человека состоит из ментальных репрезентаций» и что «когнитивная наука утверждает: люди обладают ментальными процедурами, которые оперируют ментальными репрезентациями для осуществления мышления и действий» [11: 4-5]. Исходя из этого, исследователь выделяет следующие типы когнитивистских ментальных репрезентации: правила, концепты, аналогии, образы и «коннекционистские связи» (то есть, искусственные нейронные сети) [цит. по 12: 8].

Интересную интерпретацию ментальных репрезентаций или ментефактов в своей книге ««Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» дает исследователь В.В. Красных. Так, лингвист выделяет три ранга разбиения ментефактов: первый ранг представлен шкалой *образность / информативность* и включает триаду *«знания – концепты – представления*. Концепты в этой триаде занимают срединное положение, поскольку, с одной стороны, лишены образной прототипичности, что сближает их со знаниями, с другой, включают в себя коннотации, что сближает их с представлениями [13:155]. Второй ранг образуют *прецедентные феномены, артефакты, духи и стереотипы*. При этом, признавая знания и концепты «терминальными» категориями, не поддающимися членению, исследователь все же разделяет знания на *национально-нейтральные* и *национально-маркированные* [13: 156; 159]. Завершающий третий ранг представлен членением прецедентных феноменов на *прецедентные ситуации, текст, имя* и *высказывание*, а также дихотомией стереотипов, подразделяющихся на *стереотипы-образы* и *стереотипы-ситуации* [13: 157].

В исследованиях последних лет репрезентативными средствами выражения категории ментальности в языковом сознании считаются такие языковые и когнитивные феномены, как *слово, фразеологизм, текст, концепт*. «Все эти единицы в речедискурсивных процессах взаимосвязаны как семантически, так и формально. Они служат «строительным материалом» друг для друга, образуя ментальное пространство национального языка» [14: 83].

Выводы

Эти и подобные исследования вносят неоценимый вклад в теорию языкового сознания и ментальности. Важно отметить, что ментальные

репрезентации являются следствием осмысленного восприятия мира, где язык выступает формой выражения этого восприятия.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о ментальности как базовом компоненте языкового сознания, заключающем в себе сведения о специфике мышления, духовных и материальных ценностях, национальной культуре, интерпретации мира в индивидуальном или коллективном сознании, а также «сопоставить ценностные суждения, вытекающие из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов» [15: 3-16], и именно здесь язык выступает тем проводником к человеческой мыслительной деятельности, который открывает все грани его идеологической парадигмы.

Примечания:

1. Пищик В.И. Психология ментальности поколений: учебное пособие. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 93 с.

2. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. Москва: ФЛИНТА, 2021. 182 с.

3. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

4. Буянова Л.Ю. Ментально-семиотическая репрезентация русского этнокультурного пространства / Л.Ю. Буянова // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве: Коллективная монография. Майкоп: АГУ, 2015. С. 15-32.

5. Носкова Н.А., Ахиджакова М.П. Ментальность как основа понятия «языковое сознание» // Журнал Вестник АГУ. Выпуск 4 (187) 2016. С. 83-88.

6. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник чувашского государственного педагогиче-ского университета имени И. Я. Яковлева, 2003. №4 (38). С. 2-12.

7. Иванова Г.Ф. Менталитет, ментальность, языковая ментальность // Высшее гуманитарное образование XXI века: материалы пятой международной научно-практической конференции. Самара: ПГСГА, 2010. С. 212-216.

8. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – 6-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2020. 288 с.

9. Кобякова Т.И. Язык, ментальность, концепт как основа языкового сознания личности // Язык и культура. Новосибирск. № 1-2, 2012. С. 212-217.

10. Paivio A. Dual Coding Theory and Education // Educational Psychology Review 3(3), September, 1991. – p.149-210.

11. Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science» Cambridge, MA: MIT Press, 1996.

12. Кубрякова Е.С., Демьянков, В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2007. № 4. С.8–16.

13. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

14. Буянова Л.Ю., Начкебия Э.В. Ментальность как лингвистическая категория // Культурная жизнь Юга России № 4 (33), 2009. С.82-85.

15. Карасик В.И. Языковая личность: культурные концепты // Сб. научных трудов. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.

References

1. Pishchik V.I. Psychology of mentality of generations: a manual. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2014. 93 pp.

2. Khrolenko A.T. Fundamentals of linguoculturology: a manual / ed. by V.D. Bon-daletov. Moscow: FLINTA, 2021. 182 pp.

3. Kolesov V.V. Russian mentality in language and text. St. Petersburg: St. Peters-burg Oriental Studies, 2006. 624 pp.

4. Buyanova L.Yu. Mental-semiotic representation of the Russian ethno-cultural space // Cognitive paradigm of mentality in the ethno-linguistic and cultural space: Collective monograph. Maikop: ASU, 2015. P. 15-32.

5. Noskova N.A., Akhidzhakova M.P. Mentality as the basis of the concept of «lin-guistic consciousness» // Bulletin of the Adyghe State Univercity. Iss. 4 (187). 2016. P. 83-88.

6. Kubryakova E.S. The linguistic picture of the world as a special way of representa-tion of the image of the world in human consciousness // Bulletin of Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2003. No. 4 (38). P. 2-12.

7. Ivanova G.F. Intellect, mentality and language mentality // Higher humanitarian education of the 21st century: proceedings of the Fifth international scient. and pract. conference. Samara: PGSGA, 2010. P. 212-216.

8. Alefirenko N.F. Linguoculturology: value-semantic space of language. 6th ed., ster. Moscow: FLINTA, 2020. 288 pp.

9. Kobyakova T.I. Language, mentality, concept as the basis of linguistic conscious-ness of a person // Language and culture. Novosibirsk. No. 1-2, 2012. P. 212-217.

10. Paivio A. Dual Coding Theory and Education // Educational Psychology Review 3(3), September, 1991. P. 149-210.

11. Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science. Cambridge: MIT Press, 1996.

12. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z. On the problem of mental representations // Problems of cognitive Linguistics. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics; Tambov State University of G.R. Derzhavin, 2007. No. 4. P. 8–16.

13. Krasnykh V.V. «One's own» among «strangers»: myth or reality? Moscow: Gnosis, 2003. 375 pp.

14. Buyanova L.Yu., Nachkebiya E.V. Mentality as a linguistic category // Cultural life of the South of Russia. No. 4 (33), 2009. P. 82-85.

15. Karasik V.I. Linguistic personality: cultural concepts // Collection of proceedings. Volgograd; Arkhangelsk: Peremena, 1996. P. 3-16.

Статья поступила в редакцию 07.08.22; одобрена после рецензирования 16.09.22 принята к публикации 26 09.22.

The article was submitted 07.08.22; approved after reviewing 16.09.22; accepted for publication 26.09.22

© С.К.Сапиева, 2022